

Лонгитюдные исследования образовательных траекторий молодежи в России и за рубежом

М. А. Курганов¹

¹Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

Курганов Михаил Александрович — аспирант факультета социологии ГАУГН, Москва, Россия, ORCID: 0000-0003-2976-0460, e-mail: voicm@list.ru

Статья поступила
в редакцию
13 апреля 2021 г.

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор современных социологических лонгитюдных исследований образовательных траекторий молодежи, которые проводятся в России, США и странах Европейского союза. Сравниваются цели, задачи, характеристики выборок исследований. Рассматриваются методологические особенности изучения траекторий молодых людей в образовательных системах и на рынке труда. Затрагиваются основные аспекты исследований образовательных траекторий и карьерных путей, находящиеся в фокусе внимания социологов: гендерные, этнические, социально-экономические и психологические. Приводятся выводы, полученные в ходе проведенного исследования. Его результатом стало понимание, что западные и отечественные лонгитюдные исследования образовательных траекторий сходятся в том, что социальное положение, материальное благополучие, а также «образовательный опыт» родителей или же других членов семьи, оказывают большое влияние на принятие решений молодыми людьми относительно их дальнейшей образовательной и профессиональной карьеры. В контексте разных стран и планов исследований — описания образовательных траекторий студентов, прогнозного определения лиц, выбирающих тот или иной путь карьерного роста, последовательной реконструкции траекторий — было обнаружено, что малоресурсные группы в высшем образовании, такие как студенты из неблагополучных семей, следуют менее линейным и менее плавным траекториям в сфере высшего образования. Российские исследования отличает то, что они рассматривают и изучают образовательные и профессиональные траектории в тесной связке друг с другом, а также фокусируются на проблеме взаимосвязи между социально-экономическими факторами и индивидуальным выбором. Вместе с тем ощущается недостаток комплексного изучения нематериальных и некогнитивных факторов, влияющих на принятие решений в ответственный момент перехода к профессиональному образованию или же из системы образования на рынок труда.

Ключевые слова: образовательные траектории; профессиональные траектории; лонгитюдные исследования; социология образования; образовательная мобильность

Для цитирования: Курганов М. А. Лонгитюдные исследования образовательных траекторий молодежи в России и за рубежом // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 3. С. 143–156. <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.46.3.013>

Russian and foreign sociological longitudinal studies of educational and professional trajectories of youth

M. A. Kurganov¹

¹State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail A. Kurganov — Post-Graduate Student at the Faculty of Sociology, State Academic University for the Humanities. Moscow, Russia, ORCID: 0000-0003-2976-0460, e-mail: voicm@list.ru

Abstract. The article presents an analytical review of modern sociological longitudinal studies of educational trajectories of young people, which are conducted in Russia, the United States and the countries of the European Union. The goals, objectives, and characteristics of the research samples are compared. The methodological features of studying the trajectories of young people in educational systems and in the labor market are considered. The main aspects of the research of educational trajectories and career paths that are in the focus of sociologists' attention are touched upon: gender, ethnic, socio-economic and psychological. The conclusions obtained in the course of the study are presented. It resulted in the understanding that Western and domestic longitudinal studies of educational trajectories agree that the social status, material well-being, as well as the “educational experience” of parents or other family members, have a great influence on the decision-making of young people regarding their further educational and professional career. In the context of different countries and research plans—describing the educational trajectories of students, predictive determination of people choosing a particular career path, consistent reconstruction of trajectories — it was found that low-resource groups in higher education, such as students from disadvantaged families, follow less linear and less smooth trajectories in higher education. Russian studies are distinguished by the fact that they consider and study educational and professional trajectories in close connection with each other, and also focus on the problem of the relationship between socio-economic factors and individual choice. At the same time, there is a lack of a comprehensive study of non-material and non-cognitive factors that influence decision-making at the crucial moment of transition to vocational education or from the education system to the labor market.

Keywords: educational trajectories; professional trajectories; longitudinal studies; educational mobility; sociology of education

For citation: Kurganov, M. A. (2021). Russian and foreign sociological longitudinal studies of educational and professional trajectories of youth. *Vocational Education and Labour Market*, 3, 143–156. <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.46.3.013>

Введение

Тематика данной статьи представляется нам актуальной, поскольку стоит на стыке двух передовых социологических направлений. Лонгитюдные исследования на сегодняшний день являются одним из самых

используемых методов, предоставляющим исследователю уникальную возможность анализировать и интерпретировать большой пласт информации из самых разных временных отрезков. Образовательные же траектории сейчас считаются в социологии в целом и в социологии образования в частности одним из важнейших объектов для изучения. В западной и в отечественной социологической мысли все больше укрепляется понимание обучения детей и молодых людей как постоянного (но не обязательно непрерывного) процесса, в котором присутствуют важные «точки излома», где конкретные индивиды решают, какое образование им следует получать и следует ли.

С момента появления и осознания образовательных траекторий как отдельного предмета для социологического изучения интерес к ним неуклонно рос. Вместе с тем следует признать, что до сих пор, несмотря на всю важность образования в определении жизненных путей молодежи, образовательные траектории во многом остаются предметом разноплановых частных исследований. Возможности глубинного и комплексного изучения социального поведения молодых людей в рамках системы образования и рынка труда сегодня возрастают, причем способствуют этому как новые способы и методы сбора и обработки данных, так и произошедшая за последние полвека трансформация института образования, связанная с экспансией, диверсификацией и инфляцией, а также появление квотирования для социальных слоев, чей доступ к высшему образованию ограничен (Melguizo, 2011).

С усложнением социального мира метод лонгитюдного исследования становится одним из самых востребованных методов в изучении образовательных и профессиональных траекторий молодежи и при этом остается одним из самых непростых в связи с его ограниченностью и особенностями реализации (The craft of life, 2009).

Парадигма непрерывного образования по-прежнему остается на первом плане, а значение эффективности приращения человеческого капитала только возрастает в современном мире. Общества лишаются свойственной им структурированности, а процессы образовательной и профессиональной мобильности становятся активнее. О переходе молодежи от образования к труду сегодня говорят уже не как о дискретном процессе, а как о попеременных или параллельных занятиях. Молодежь имеет возможность при необходимости возвращаться к образовательной деятельности. Существует особый рынок занятости молодых людей, где временный, краткосрочный характер трудовых отношений с упрощенным оформлением позволяет им совмещать работу с учебой. В то же время приходится говорить и о прекарном характере занятости у молодежи, которая пытается удержаться на рынке труда в ситуации, когда найти постоянную работу со стабильной заработной платой и карьерными перспективами становится сложно (Голиусова, 2019). Все это открывает широчайший простор для исследований, связанных с социальным поведением молодежи в сфере образования и на рынке труда.

Лонгитюдные исследования образовательных и профессиональных траекторий в зарубежной социологии

Концепт жизненного пути понимается через разные траектории, которые делятся на протяжении всей жизни, а также разовые моменты

переходов («transitions»), когда индивид меняет статус или переходит из одного института в другой. Все эти переходы обозначают собой определенный этап в траектории, задают ее дальнейшее направление и придают ей уникальные формы и смыслы. Соответственно, в каждой траектории переходы являются ключевыми моментами: в образовательных траекториях, связанных с получением высшего образования, к ним можно отнести поступление и окончание института, университета, успешное прохождение курсов повышения или смены квалификации, а в профессиональных — смену работы, продвижение по карьерной лестнице.

В англоязычной социологической традиции принято различать несколько концептов (life course, life cycle, life history, life span — жизненный путь, жизненный цикл, история жизни, продолжительность жизни). Имея некоторое семантическое сходство, они при этом не являются синонимами: в зависимости от исследовательской задачи концепты различаются по целям, объектам и методам исследований (The craft of life, 2009).

Одним из основных принципов классификации лонгитудов является способ получения данных у респондентов (Elder, 1998). Ретроспективный нацелен на получение данных посредством нескольких интервью, в ходе которых можно узнать уникальную информацию. В качественной стратегии исследования, однако, у такого метода есть несколько серьезных ограничений: неточность информации, поскольку со временем респонденту все труднее в деталях вспомнить факты, которые необходимы исследователю; осыпание выборки в связи с социальными и демографическими процессами, что в ходе исследований определенной тематики может создать значительные осложнения при обработке и анализе полученных данных ввиду их малочисленности и нерепрезентативности. Проспективный способ предполагает сбор данных, повторяющийся с определенным интервалом. Он известен больше как панельное исследование (Elder, 1998). Очевидным преимуществом его является точность замеров, но и тут есть недостатки. Излишне частые опросы утомляют респондентов, из-за чего они отказываются участвовать в лонгитуде дальше. Также существует опасность «некачественных» данных, поскольку определенная доля ответов может оказаться стереотипной. Стоит сказать, что на сегодняшний день благодаря использованию как методологических приемов, так и современных коммуникационных технологий, снижается брак и темпы «выпадения» респондентов из исследования.

Как самостоятельная и отдельная тема в социологии образования образовательные траектории получили освещение в середине 1980-х гг. Исследователи в своих работах подчеркивали необходимость изучать их в совокупности с другими социальными явлениями, в которых индивиды играют свои роли. В целом выработался общий взгляд на учащихся как на субъектов, чье положение в системе «учеба-работа» изменчиво и позволяет им периодически возвращаться к образованию (Pallas, 1993; Coleman, 1988). Начиная с 1980-х гг. данные лонгитудных исследований показывают, что неравенство в доступе к профессиональному образованию во всех возрастных группах неуклонно возрастает, при этом ближе к пожилому возрасту неравенство становится еще более очевидным. В целом результаты исследований говорят о релевантности данного теоретического подхода, а также предупреждают о тенденции сохранения

неравенства среди возрастных когорт, которые в этом десятилетии попадают в возрастную группу от 65 лет и старше (Pallas, 1993).

Предметом изучения для социологов, исследующих образовательные траектории, стали проблемы прагматического порядка: принятие решения о послешкольном образовании, роль социального статуса семьи в данном процессе и воспроизведение неравенства в сфере образования (Becker, 2003). В работах рассматривается значение социокультурного капитала и финансовых ресурсов, а также обозначаются факторы, приводящие к разнице в образовательных стратегиях. Ученики из более благополучных семей с высоким социальным статусом обладают более прочным финансовым и информационным фундаментом, который позволяет им четче формулировать и планировать свою траекторию, принимать адекватные для своих целей решения, а также справляться с непредвиденными изменениями в ходе продвижения по выбранному пути. В этих работах авторы делают акцент на индивиде, приписывая ему решающую роль в процессе реализации траектории (Byun, 2017; Goldrick-Rab, 2009).

Большое внимание также уделяется гендерным (Buchmann и др., 2008; Ewert, 2010) и этническим (Holmberg и др., 2018) факторам. Так, например, во многих исследованиях, сравнивающих показатели успешной реализации образовательных траекторий мужчин и женщин, делается вывод о том, что мужские траектории более нестабильны и непродолжительны. Опираясь на данные, собранные службами государственной статистики в европейских странах и в США, исследователи приходят к выводу о том, что, несмотря на декларируемое гендерное равенство в профессиональной сфере, в когортах молодых людей, вышедших на рынок труда относительно недавно, в определенной степени сохраняется гендерное неравенство (Davis-Kean, 2013).

Анализ образовательных траекторий на сегодняшний день уже прочно укоренился в социологии образования как одна из наиболее актуальных тем. Как и сам концепт жизненных путей, образовательные траектории являются предметом изучения не только у социологов, но и также у экономистов, психологов, работников профориентационной сферы. В таких журналах, как *Research in Higher Education*, *Journal of Higher Education*, *Longitudinal and Life Course Studies*, *Journal of Vocational Behavior*,¹ авторы регулярно обращаются к разным аспектам образовательных траекторий, начиная от финансовых и социокультурных ресурсов и заканчивая состоянием здоровья людей, географическими и историческими особенностями стран, рассматриваемых в исследованиях.

Одним из межстрановых проектов по изучению феномена являлся проект *GOETE (Governance of Educational Trajectories in Europe)*, длившийся с 2010 по 2012 гг. Он был призван понять, как образовательные системы в разных странах реагируют на изменения в степени влияния образования на социальную интеграцию индивидов в общество знания. Объектом стали образовательные траектории молодых людей в Финляндии, Франции, Германии, Италии, Нидерландов, Польши, Словении и Великобритании. Изучалось взаимодействие между структурными и институциональными контекстами образовательных траекторий,

¹ <https://bristoluniversitypress.co.uk/journals/longitudinal-and-life-course-studies>

значение, которое молодые люди придавали образованию, а также выбираемые стратегии и процесс принятия студентами решений. В итоге получилась книга, целью которой стало изучение неравенства в образовании через его доступность, которое, среди прочих факторов, возникает от разницы в способностях разных индивидов соответствовать требованиям образования (Walther, 2017).

В Великобритании уже достаточно давно осуществляется несколько панельных лонгитюдных исследований, сфокусированных непосредственно на образовательных траекториях молодежи. Так, с 1985 г. в Англии и Уэльсе проводится исследование *Youth Cohort Study (YLC)*, где респондентами являются школьники в возрасте 16 лет. К 2002 г. британскими исследователями было изучено 12 возрастных когорт, размер выборки варьировался от 12 до 30 тысяч молодых людей. Еще одним, активным и по сей день, исследованием является *Next Steps*. Изначально инициированный департаментом образования, он затем перешел под крыло *Centre for Longitudinal Studies (CLS)*. В 2015–2016 гг. проведена очередная волна опросов возрастной когорты людей, родившихся в 1989–1990 гг. По результатам исследования было выявлено, что к 25 годам 27% опрошенных респондентов получили образование, при этом две трети выпускников стали первыми членами семьи, получившими высшее образование. Анализ данных также показал, что молодые люди, которые первыми в своей семье поступили в университет, были больше подвержены риску исключения из вуза, чем студенты, чьи родители получили образование. Результаты говорят о важности информационной и психологической поддержки, помогающей студентам лучше ориентироваться в системе образования и принимать адекватные решения в разных жизненных ситуациях.

В 2013 г. Центром исследований миграции и межкультурных отношений, находящимся в университете Антверпена (Бельгия), был инициирован проект *Reducing Early School Leaving in Europe (RESL.eu)*, направленный на глубинный анализ причин ухода учеников из системы образования в начальных классах, что свидетельствует о неспособности традиционных образовательных систем адаптироваться к быстрым изменениям, происходящим в мировой социальной и экономической сфере. Исследования проводились в девяти странах Европейского Союза (Австрия, Бельгия, Венгрия, Нидерланды, Польша, Португалия, Испания, Швеция и Великобритания). Сбор данных проходил в два приема: в первой волне, проведенной в 2014 г., участвовало 19 586 учеников, во второй — 7072. Помимо этого, из общей массы респондентов было случайным образом отобрано 253 человека, с которыми было дважды проведено глубинное интервью. Задача состояла в том, чтобы выяснить у молодых людей, как они представляли свою образовательную траекторию раньше и как представляют сейчас, а также в том, чтобы обозначить обстоятельства, которые вынудили их уйти из школы в первые годы обучения или же позволили остаться в ней. Так, в результате исследования причин раннего ухода из школ Бельгии было выявлено, что, несмотря на внешне спорадический характер выбора между образованием и работой, на самом же деле молодые люди тщательно взвешивают все «за» и «против» при принятии решения. В связи с нестабильным экономическим положением семей респондентов многие сознательно отдавали

предпочтение быстрому выходу на рынок труда вместо получения образования, при этом осознавая, какие трудности сопряжены с отсутствием нужной квалификации. Исследователи делают предположение, что процесс принятия решений молодыми людьми относительно своих образовательных траекторий во многом обусловлен уровнем социального и культурного капитала молодых людей (Van Praag, 2020), и он должен быть очень высоким в условиях открытости бельгийской образовательной системы.

Всплеск интереса к панельным исследованиям, ставший следствием использования социологами компьютерных вычислительных мощностей и наработанного за десятилетия теоретического и методологического аппарата, позволяет сегодня говорить о том, что лонгитюды, при всей их вариативности, обусловленной спецификой того или иного исследования, являются одним из главных инструментов в изучении причинно-следственных связей, обуславливающих поведение людей в сфере образования и в жизни в целом. Во всех странах на национальном уровне и при поддержке государства проводятся лонгитюдные проекты, ставящие перед собой цель изучить «передвижения» молодых людей между системой образования и рынком труда. Вместе с тем наблюдается недостаток сопоставительных межстрановых проектов, которые объединяли бы группы ученых из нескольких стран, плодом усилий которых стали бы не только эмпирические данные, но и потенциально новые гипотезы и методические нововведения, которые могли бы быть связаны, например, с использованием «больших данных».

Российские лонгитюдные исследования образовательных траекторий

Как мы отмечали выше, специфика исследования образовательно-профессиональных траекторий различается от одной страны к другой. Причина заключается в уникальных особенностях сферы образования, экономики, рынка труда. Внимание социологов привлекают траектории и стратегии молодых людей, получивших среднее и высшее образование (Чередниченко, 2017; Ядова, 2017; Гаспаришвили, 2016), специфика первичного выхода на рынок труда и ее влияние на дальнейшую профессиональную мобильность (Епихина, 2017), индивидуальные характерные черты молодых людей, которые впоследствии оказывают влияние на образовательно-профессиональные траектории, а также их ориентации (Константиновский, 2016; Попов и др., 2010).

Так, в исследовании, посвященном образовательно-профессиональным ориентациям, было высказано беспокойство по поводу причин, побуждающих выпускников школ поступать в высшие учебные заведения. Отмечая высокую заинтересованность молодежи в получении диплома вуза, Д. Л. Константиновский, однако, говорит о том, что мотивации юношей и девушек формируются в результате комплексного и многостороннего взаимодействия рынка труда, системы образования и семей, которые порой интерпретируют сигналы, поступающие от рынка труда, в несколько искаженном виде, а система образования не всегда поспевает за изменениями, происходящими как в ценностных установках, так и в демографической сфере. В числе главных проблем, препятствующих

здоровому взаимодействию этих систем, называется отсутствие масштабной и скрупулезной работы по профориентации молодежи (Константиновский, 2016).

В российских научных работах тема лонгитюдных исследований в образовании регулярно попадает в фокус их авторов. Так, в одной из статей рассматриваются методы, при помощи которых можно оценить степень влияния высокорейтинговых школ на образовательный капитал. З. В. Прошкова, анализируя проблему обнаружения и интерпретации долгосрочного влияния образования, полученного в школе, на дальнейшую образовательную траекторию, обращается к опыту родителей. Методом глубинного интервью было выявлено, какие моменты поступления в высокорейтинговые школы запоминаются больше всего. Еще одним источником информации стал «дневник матери», в котором в подробных деталях отображаются принятые родителями решения касательно вектора образовательного развития ребенка. Подобный «текстовый лонгитюд» позволяет систематически собирать данные об учащихся из их рассказов, а также личных документов, давая, таким образом, четкое понимание процесса социализации респондентов в институтах образования (Прошкова, 2017). Данную совокупность методов можно с определенной долей уверенности назвать смешиванием биографического подхода и когортного.

В России изучение молодежи в рамках института образования и рынка труда базировалось на концептах образовательных и профессиональных траекторий, жизненных путей и особенностей биографии. Расцвет их пришелся на 1990-е гг., но первые крупные лонгитюдные исследования начали проводиться еще в 1960-х гг. С 1963 г. под руководством В. Н. Шубкина в Академгородке, что под Новосибирском, реализовывалось несколько объединенных одной темой проектов, изучавших «жизненные пути» выпускников сибирских школ (Шубкин, 1979). Исследователей интересовали факторы, оказывавшие влияние на систему образования, на выбор профессии, трудоустройство молодежи. По результатам было выявлено «пресыщение» кадрами в престижных профессиях и, наоборот, нехватка в менее востребованных. Помимо этого, также было выявлено, что социальный статус родителей играет важную роль в формировании ориентаций детей. Чуть позже, уже в 1970-х гг., стартовал межрегиональный проект М. Х. Титмы «Пути поколений» (Титма, 1975). Задача исследования состояла в мониторинге изменения статуса и места жительства респондентов с момента окончания школы и до 30 лет. Уже в первых проектах в рамках общей темы жизненных путей вопросы о выборе образования и профессии занимали важное место в этих проектах.

Под руководством Д. Л. Константиновского с 1998 по 2013 гг. в Институте социологии РАН проводилось лонгитюдное исследование образовательно-профессиональных траекторий молодежи (Константиновский и др., 2011). На основе данных, полученных в результате нескольких волн опросов и интервьюирования, были проанализированы траектории в системе образования и на рынке труда молодых людей из разных социальных групп. При разработке понятийного аппарата исследователи отметили, что образовательные и профессиональные траектории связаны друг с другом, но не переплетаются слишком тесно, поскольку

у молодого студента есть возможность за счет частичной формы занятости чередовать эти траектории либо осуществлять движение по ним одновременно. Само образование разделили на формальное, неформальное и информальное. Полученные знания, сделали вывод авторы, преобразуются в человеческий капитал, под которым понимается совокупность экономически востребованных на рынке навыков и компетенций. Исследователи ставили перед собой цель изучить группу молодых людей, получивших полное среднее образование. В выборку попали выпускники средних школ, а также ссузов и ПУ Новосибирска и Новосибирской области. Исследователями были выявлены несколько групп барьеров, которые на той или иной стадии жизненного пути не позволили респондентам получить доступ к профессиональному образованию или же воспользоваться возможностями, которое оно давало, а именно: препятствия при формировании и реализации мотиваций, трудности с получением самого образования, вызванные отсутствием тех или иных ресурсов — социокультурных, экономических и территориальных. Были выявлены основные факторы, влияющие на выбор и дальнейшее выстраивание траекторий, а также замерена динамика изменений в ориентациях. Среди наиболее значимых были отмечены социальное происхождение, образование родителей, уровень материального благосостояния семьи, их географическое местоположение.

Еще одним источником лонгитюдных данных является проект, учрежденный НИУ ВШЭ в 2009 г. и функционирующий до сих пор, — «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП). Он стал первым в своем роде лонгитюдным исследованием в масштабах всей страны: на сегодняшний день в рамках данного проекта проведено уже более 7 волн опросов учащихся школ и высших учебных заведений, размер выборки составляет 5 тысяч респондентов, которых опрашивают раз в 1-2 года. Поскольку ТрОП является когортным лонгитюдом, форма исследования позволяет рассматривать траектории школьников и студентов в рамках образования и рынка труда. Целью исследования было не только выявление типичных траекторий, но и определение факторов, влияющих на их формирование. Так, например, на основе данных лонгитюда было обнаружено 4 варианта логики, которой руководствуются школьники при выборе между высшим, средним профессиональным образованием и работой. При этом автором отмечается, что все четыре группы школьников объединяет тот факт, что они по-разному относятся к высшему и среднему профессиональному образованию, что, в свою очередь, обусловлено разницей в социально-экономическом положении семей школьников и наличием высшего образования у родителей.

Безусловно, в поле лонгитюдных исследований образовательных траекторий отечественная социология стартовала позже западной, что обусловлено идеологическими и историческими особенностями XX века. Лишь в 1980-х гг. с началом реформ начали проводиться полномасштабные исследования мотиваций и стратегий реализации образовательных и профессиональных траекторий. Сегодня литература в российской социологии, посвященная данной теме, обширна и разнообразна. Отличительной чертой российских исследований является рассмотрение и изучение образовательных и профессиональных траекторий в тесной связке друг с другом, а также фокусирование на проблеме взаимосвязи между

социально-экономическими факторами и индивидуальным выбором. Однако стоит отметить, что в исследованиях, обозначенных в данной работе, недостаточное внимание уделяется рассмотрению нематериальных и некогнитивных факторов, влияющих на принятие решений относительно дальнейшей образовательной и профессиональной карьеры.

Заключение

Лонгитюдные исследования на сегодняшний день являются одним из самых востребованных и активно разрабатываемых методов в социологии. Объем и уникальный характер данных, получаемых в результате проведения лонгитюдов, представляет огромную ценность не только для социологов, но также для специалистов смежных областей и государственных структур, занимающихся образованием и занятостью. В западных странах лонгитюдные исследования уже более полувека находятся в центре внимания социологов: идет непрерывная работа как над концептуальным, так и над методологическим аппаратом. Во многих странах несколько десятков лет действуют национальные и региональные лонгитюдные проекты, исследующие мотивы и паттерны поведения молодежи на рынке труда и в образовательной системе.

Во всех рассмотренных в данной статье лонгитюдных проектах прослеживается определенная закономерность, значимая как в отношении западных стран, так и в отношении России. В проанализированных исследованиях, затрагивавших «образовательный выбор» учеников, заканчивающих школу, было обозначено, что вне зависимости от того, поступают ли молодые люди в высшие учебные заведения, в колледжи или же сразу выходят на рынок труда, прослеживается зависимость выбора и вероятности успешного окончания учебного заведения от социального положения, материального благосостояния семьи, а также от того, есть ли уже в семье люди с высшим образованием.

В современной России проекты Института социологии РАН и НИУ ВШЭ вносят весомый вклад в создание качественного массива данных, на основе которых можно в дальнейшем изучать разные аспекты проблематики образовательных и профессиональных траекторий молодых людей. При этом, однако, наблюдается недостаток комплексных исследований, которые бы охватывали и внешние, и аскриптивные, и психологические факторы, влияющие на принятие решений в ответственный момент перехода к профессиональному образованию или же из системы образования на рынок труда. Поднятая в данной статье тема, вне всякого сомнения, актуальна и сегодня, поскольку понимание мотивов, стоящих за тем или иным решением, принятым на развилке образовательного и профессионального пути, становится как никогда важным. В будущем, где цифровизация экономики будет идти ускоренным темпом, человеческий капитал станет самым важным национальным ресурсом, а понимание желаний и стремлений молодых людей, выходящих во взрослую жизнь, позволит государству адекватно реагировать на вызовы глобальной экономики и создавать фундамент для всестороннего развития нашей страны.

Литература

1. Гаспаривили А. Т. Среднее специальное образование в оценках и мнениях выпускников вузов // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2016. № 1. С. 92–110.
2. Голиусова Ю. В. Прекарная занятость молодежи как способ избегания безработицы и незанятости // Информационно-аналитический бюллетень. ИНАБ. 2019. № 4. С. 73–82. <https://doi.org/10.19181/inab.2019.4.6>.
3. Епихина Ю. Б. Образовательная мобильность и первое место работы // Научный результат. Социология и управление. 2017. № 4 (14). С. 13–28. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2017-3-4-13-28>.
4. Константиновский Д. Л. Формирование ориентаций молодежи в сфере образования // Бюллетень Института социологии. 2016. № 4 (19). С. 13–27. <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.427>.
5. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А., Хохлушкина Ф. А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М.: Институт социологии РАН, 2011.
6. Попов Д. С., Тюменева Ю. А., Кузьмина Ю. В. Индивидуально-психологические предикторы в лонгитюдных исследованиях образовательных и профессиональных карьер // Вопросы образования. 2010. № 4. С. 30–53. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2010-4-30-53>.
7. Прошкова З. В. Метод «текстовых лонгитюдов» для анализа школьного образовательного капитала // Вестник науки: Актуальные вопросы в науке и практике. 2018. Ч. 4. С. 82–85.
8. Титма М. Х. Выбор профессии как социальная проблема (на материалах конкретных исследований в ЭССР). М.: Мысль, 1975.
9. Чередниченко Г. А. Система образования и пути молодежи // Россия реформирующаяся. 2017. Вып. 15. С. 175–198.
10. Шубкин В. Н. Начало пути. М.: Молодая гвардия, 1979.
11. Ядова М. А. Образовательные и профессиональные стратегии постсоветской молодежи // РСМ. 2017. № 2 (95). С. 91–104.
12. Becker R. Educational expansion and persistent inequalities of education: utilizing subjective expected utility theory to explain increasing participation rates in upper secondary school in the federal republic of Germany // European Sociological Review. 2003, No. 19(1). P. 1–24. <https://doi.org/10.1093/esr/19.1.1>.
13. Buchmann C., DiPrete T., McDaniel A. Gender inequalities in education // Annual Review of Sociology. 2008. Vol. 34. No. 1. P. 319–337. <https://doi.org/10.1146/ANNUREV.SOC.34.040507.134719>.
14. Byun S.-Y., Meece J., Agger C. Predictors of college attendance patterns of rural youth // Research in Higher Education. 2017. No. 58(8). P. 817–842. <https://doi.org/10.1007/s11162-017-9449-z>.
15. Coleman J. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. No. 94. P. 95–120.
16. Davis-Kean P. E., Jager J. Trajectories of achievement within race / Ethnicity: “catching up” in achievement across time // The Journal of Educational Research. 2013. No. 107:3. P. 197–208. 7493.
17. Elder Glen H., Jr. The life course as developmental theory // Child Development. 1998. Vol. 69. No. 1. P. 1–12. <https://doi.org/10.2307/1132065>.

18. Ewert S. Male and female pathways through four-year colleges: disruption and sex stratification in higher education // *American Educational Research Journal*. 2010. No. 47(4). P. 744–773. <https://doi.org/10.3102/0002831210374351>.

19. Goldrick-Rab S., Pfeffer F. Beyond access: explaining socioeconomic differences in college transfer // *Sociology of Education*. 2009. No. 82(2). P. 101–125. <https://doi.org/10.1177/003804070908200201>.

20. Holmberg L., Kalalahti M., Varjo J., Kivirauma J., Mäkelä M., Saarinen M., Zacheus T., Jahnukainen M. Educational trajectories of immigrant-origin youths in Finland: a mixed methods analysis // *Journal of Education and Work*. 2018. Vol. 31. No 7–8. P. 563–578. <https://doi.org/10.1080/13639080.2018.1549728>.

21. Melguizo T. A Review of the theories developed to describe the process of college persistence and attainment. In *higher education: handbook of theory and research* / Edited by J. Smart and M. Paulsen. New York, 2011. P. 395–424. https://doi.org/10.1007/978-94-007-0702-3_10.

22. Pallas A. Schooling in the course of human lives: the social context of education and the transition to adulthood in industrial society // *Review of Educational Research*. 1993. No. 63. P. 409–447. <https://doi.org/10.3102/00346543063004409>.

23. Pavlenko E. «I didn't know you can't plan so far ahead»: Symbolic logics behind the choice of vocational education in Russia // *Higher School of Economics Research Paper*, no. WP BRP 56/EDU/2020. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3531664>.

24. *The craft of life course research* / Edited by Glen H. Elder Jr. and Janet Z. Giele. New York: Guilford, 2009. <https://doi.org/10.1080/01924788.2015.1099984>.

25. Van Praag, L., Boone, S., Van Caudenberg, R., Nouwen, W, & Timmerman, C. Long and winding roads: Educational decision-making of youngsters at risk of early school leaving in Flanders // *Educational Studies*. 2020, no. 46 (5), pp. 532–547. <https://doi.org/10.1080/03055698.2019.1620690>.

26. Walther A., Parreira do Amaral M., Cuconato M., Dale R. *Governance of educational trajectories in Europe: pathways, policy and practice*. London, New Delhi, New York, Sidney: Bloomsbury, 2017.

References

Becker, R. (2003). Educational expansion and persistent inequalities of education: utilizing subjective expected utility theory to explain increasing participation rates in upper secondary school in the Federal Republic of Germany. *European Sociological Review*, 19(1), 1–24. *Acta Sociologica*, 52 (1), 25–45. <https://doi.org/10.1093/esr/19.1.1>.

Buchmann, C., DiPrete, T. A., & McDaniel, A. (2008). Gender inequalities in education. *Annual Review of Sociology*, 34 (1), 319–337. <https://doi.org/10.1146/ANNUREV.SOC.34.040507.134719>.

Byun, S.-Y., Meece, J. L., & Agger, C. A. (2017). Predictors of college attendance patterns of rural youth. *Research in Higher Education*, 58(8), 817–842. <https://doi.org/10.1007/s11162-017-9449-z>.

- Cherednichenko, G. A. (2017). Russian system of education and modern youth's paths. *Rossiia reformiruyetsya [Reforming Russia]*, 15, 175–198. (In Russ.)
- Coleman, J. S. (1998). Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 94, 95–120.
- Davis-Kean, P. E., & Jager, J. (2013). Trajectories of achievement within race / Ethnicity: “catching up” in achievement across time. *The Journal of Educational Research*, 107:3, 197–208. <https://doi.org/10.1080/00220671.2013.807493>.
- Elder, G. H., Jr. (1998). The life course as developmental theory. *Child Development*, 69 (1), 1–12. <https://doi.org/10.2307/1132065>.
- Giele, J. Z., & Elder, G. H., Jr. (Eds). (2009). *The craft of life course research*. Guilford. <https://doi.org/10.1080/01924788.2015.1099984>.
- Epikhina, Ju. B. (2017). Educational mobility and the first job. *Research result. Sociology and management*, 4, 13–28. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2017-3-4-13-28>. (In Russ.)
- Ewert, S. (2010). Male and female pathways through four-year colleges: disruption and sex stratification in higher education. *American Educational Research Journal*, 47(4), 744–773. <https://doi.org/10.3102/0002831210374351>.
- Gasparishvili, A. T. (2016). Career and technical education system: estimates and opinions of the graduates. *RUDN Journal of Sociology*, 1, 92–110. (In Russ.)
- Goldrick-Rab, S., & Pfeffer, F. T. (2009). Beyond access: explaining socioeconomic differences in college transfer. *Sociology of Education*, 82(2), 101–125. <https://doi.org/10.1177/003804070908200201>.
- Goliusova Iu. V. (2019). Prekarnaia zaniatost' molodezhi kak sposob izbeganiia bezrobotitsy i nezaniatosti [Youth's precarious employment as a way to avoid unemployment and inoccupation]. *Informatsionno-analiticheskii biulleten (INAB)*, 4, 73–82. <https://doi.org/10.19181/inab.2019.4.6>. (In Russ.)
- Holmberg, L., Kalalahti, M., Varjo, J., Kivirauma, J., Mäkelä, M., Saarinen, M., Zacheus, T., & Jahnukainen, M. (2018). Educational trajectories of immigrant-origin youths in Finland: a mixed methods analysis. *Journal of Education and Work*, 31 (7–8), 563–578. <https://doi.org/10.1080/13639080.2018.1549728>.
- Konstantinovskiy, D. L. (2016). The formation of young people's orientations in the sphere of education. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 4, 13–27. <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.427>. (In Russ.)
- Konstantinovskiy, D. L., Voznesenskaya, E. D., Cherednichenko, G. A., & Khokhlushkina F. A. (2011). *Education and life trajectories of youth 1998–2008 years*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Melguizo, T. (2011). A review of the theories developed to describe the process of college persistence and attainment. In J. Smart, & M. Paulsen (Eds.).

- Higher education: handbook of theory and research*. New York: Springer, 395–424. https://doi.org/10.1007/978-94-007-0702-3_10.
- Popov, D. S., Tiuneneva, Ju. A., Kuz'mina, Ju. V. (2010). Individual and psychological predictors in longitudinal studies of professional and educational careers. *Educational Studies Moscow*, 4, 30–53. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2010-4-30-53>. (In Russ.)
- Pallas, A. M. (1993). Schooling in the course of human lives: The social context of education and the transition to adulthood in industrial society. *Review of Educational Research*, 63, 409–447. <https://doi.org/10.3102/00346543063004409>.
- Pavlenko, E. (2020). «I didn't know you can't plan so far ahead»: Symbolic logics behind the choice of vocational education in Russia. *Higher School of Economics Research Paper*, WP BRP 56/EDU/2020. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3531664>.
- Proshkova, Z. V. (2017). Metod “tekstovykh longitudov” dlia analiza shkol'nogo obrazovatel'nogo kapitala [“Text longitudes” as a method to analyze school students' educational capital.]. *Vestnik nauki. Aktual'nye voprosy v nauke i praktike [Science Bulletin. Current Issues in Science and Practice]*, 4, 82–85. (In Russ.)
- Shubkin, V. N. (1979). *Nachalo puti [Beginning of the path]*. Molodaia gvardiia. (In Russ.)
- Titma, M. Kh. (1975). *Vybor professii kak sotsial'naiia problema (na materialakh konkretnykh issledovaniy v ESSR) [Profession choice as a social problem (based on studies materials from ESSR)]*. Mysl'. (In Russ.)
- Van Praag, L., Boone, S., Van Caudenberg, R., Nouwen, W, & Timmerman, C. (2020). Long and winding roads: Educational decision-making of youngsters at risk of early school leaving in Flanders. *Educational Studies*, 46 (5), 532–547. <https://doi.org/10.1080/03055698.2019.1620690>.
- Walther, A., Parreira do Amaral, M., Cuconato, M., & Dale, R. (2017). *Governance of educational trajectories in Europe: pathways, policy and practice*. London: Bloomsbury.
- Yadova, M. A. (2017). The Educational and professional strategies of the post-soviet youth. *Russia and the Modern World*, 2, 6–16. (In Russ.)